

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 10, No. 2, pp. 94-104, 2014

DOI: 10.13187/rs.2014.2.94

www.ejournal15.com

UDC 373

Nurseries for Infants during World War I

Lyudmila M. Volobueva

Moscow Pedagogical State University, Russian Federation
M. Pirogovskaya Str., 1/1, Moscow, 119991
PhD (pedagogy), Assistant Professor
E-mail: volobuevalm@mail.ru

Abstract. This article examines the process of creating nurseries for the children of soldiers on the front line of World War I. The purpose of these institutions was to look after children until objectives relating to bringing up and educating infants were resolved. The author provides materials that characterize the activity of public organizations in terms of creating nurseries, working out the content of work with children, and training pedagogical personnel. The article provides archive materials never published before, which contain information on measures for supporting families with little children which found themselves in a tough life situation. The organization of the activity of nurseries predetermined the need for further development of public pre-school bringing-up in Russia.

Keywords: World War I; Russia; Moscow; charity; nursery; family; children; bringing-up; day care.

Введение

Проблемы благотворительности, социального попечения, милосердия, помощи семье и детям России в годы первой мировой войны достаточно подробно рассмотрены в исследованиях Ивановой Н.М. [1], Грицаевой А.Н.[2], Павловой И.П.[3]. При этом исследователей-историков в большей степени интересуют организационные аспекты, выявление субъектов благотворительной деятельности, тогда как педагогический аспект оказания помощи детям не только с целью сохранения их жизни и здоровья, но и оказания воспитательного и обучающего воздействия на ребенка до поступления в школу практически остается без внимания. Для педагога-исследователя очевидным является неразрывная связь этих двух процессов. Забота о физическом благополучии детей в период тяжелых испытаний, должна непременно сопровождаться вниманием к формированию духовности, охране психического здоровья будущего нации, предоставлению возможности для успешного развития ребенка даже в трудных условиях войны.

Материалы и методы

Исследование основано на отборе и анализе фактов, раскрывающих меры по защите, сохранению и воспитанию малолетних детей в 1914-18 гг. благодаря созданию очагов для детей нижних чинов, призванных из запаса на фронт. Анализу подвергнуты научные исследования по сходной проблематике, публикации военного периода, материалы Научного архива Российской академии образования (НА РАО). В работе применялись

методы: сравнительно-исторический, историко-логический, историко-системный, историко-типологический, историко-генетический.

Обсуждение

Первая мировая война явилась тяжелым испытанием не только для взрослых, но и для детей. Десятки тысяч работоспособных мужчин были мобилизованы из запаса в действующую армию в первые дни войны. Большие семьи призванных на фронт горожан и сельских жителей нередко оставались без всяких средств существования. Особенно трудно приходилось городским семьям без основного кормильца. Женщины, ранее не имевшие профессии, были вынуждены соглашаться на любую низкооплачиваемую работу. На фабрики и заводы пришли старшие дети, ранее занимавшиеся в семье присмотром за малышами. Все это привело к значительному увеличению числа безнадзорных малолетних детей, которых нередко на весь день одних запирали дома или оставляли под присмотром немощных старух. Увеличились несчастные случаи с детьми, заболеваемость, смертность. Существовавшие к 1914 г. приюты, небольшое количество народных детских садов для присмотра и воспитания детей не могли удовлетворить резко увеличившуюся потребность населения в подобных заведениях. Вопросом поддержки семей с детьми были озадачены благотворительные и общественные просветительские организации, активно включившиеся в работу по оказанию помощи семьям, оставшимся без кормильцев.

Наиболее приемлемым способом помощи малолетним детям, матери которых несли ответственность за материальное благополучие семьи, в начале войны рассматривалось помещение их в народный детский сад. С точки зрения педагогической общественности это заведение было способно защитить детей от тлетворного влияния улицы, которому они подвергались в отсутствие должного родительского внимания, а нередко и от физической гибели, организовать правильный уход за ними, позаботиться о гармоничном развитии личности своих воспитанников и, наконец, подготовить их к получению дальнейшего образования. [4]. Несомненно, в детских садах могли быть созданы лучшие условия для сохранения жизни и здоровья детей. Однако, требования к их организации и педагогической работе уже были достаточно высоки, а количество народных детских садов было настолько мало (несколько десятков на всю Российскую Империю), что, они не могли оказать существенную помощь семье.

Тем не менее некоторые народные детские сады включились в деятельность по поддержке детей их солдатских семей. Среди них был Московский городской универсальный детский сад в память О.Н. Кельиной, располагавшийся в специально для него построенном здании на Б. Царицынской д. 17. Как только последовал Высочайший указ о мобилизации армии, попечитель детского сада В.Н. Кельин заявил Московской городской управе о готовности устроить бесплатную столовую на 50 детей лиц, призванных на службу из запаса. В дальнейшем сотрудники пришли к убеждению, что «детки, лишенные родительской ласки, нуждаются однако не в одном хлебе насущном и что следует дать им и пищу духовную: позаботиться о нравственном их воспитании» [5, С. 3]. Было принято решение, кроме основного дневного отделения на 40 человек, работавшего до 14.00, открыть еще вечернее отделение с 14 до 18 часов для 14 мальчиков и 17 девочек в возрасте от 4 до 8 лет из семей запасных, которые были разделены на 2 группы – младшую и старшую. Распорядок дня был следующим: после сбора и молитвы шли обедать, после чего отправлялись гулять, после прогулки принимались за занятия. После занятий, оканчивавшимся часам к пяти, старшие шли в зал, где для них организовывались подвижные игры, а младшие отправлялись в «игрушечную». Два раза в неделю дети этого отделения занимались пением и ритмической гимнастикой.

Детский сад старался по возможности отвлечь детей от тяжелых впечатлений. Так, особенную прелесть для детей имела ледяная гора, устроенная в саду учреждения, катание с которой доставляло неизъяснимую радость малышам. В отчете попечителя детского сада за 1914-15 год отмечалось: «Руководительницы не могут забыть, как один мальчик лет пяти, Шура С., придя однажды в сад, долго и судорожно плакал и повторял: «А у меня папу убили...». Долго не могли ничем утешить бедненького Шуру. Но вот руководительница вспомнила любовь мальчика к горе и сказала: «Ну, Шура, папа-то может быть еще и не убит,

а в плену; мы же с тобой пойдем после обеда на гору кататься, саночки возьмем новенькие – хочешь?» «Хочу», - ответил Шура и сразу успокоился, перестал плакать». [5, С. 9-10]

Для детей организовывали экскурсии в зоосад, устраивались праздники, на которые приходили братья и сестры. Для детей школьного возраста и взрослых устраивались благотворительные лекции, в т.ч. о современной войне и на тему «Завоевание науки на службе современной войны» [5, С. 17]. В концертном зале детского сада были организованы Хамовническим попечительством бедных два концерта «на помощь семьям запасных» (28 сентября 1914 г.) и в пользу пострадавших от войны жителей Хамовнического района (8 марта 1915 г.). В первом концерте выступила известная исполнительница северных народных сказок, собирательница фольклора О.Э. Озаровская, а на втором был продемонстрирована система ритмической гимнастики Жака Далькроза [5, с. 19]. Всего в результате благотворительных концертов и постановок для семей запасных было собрано 1000 руб. От питомцев детского сада на подарки воинам доставлено было 60 руб. Несмотря на достаточно хорошие результаты пребывания детей в детском саду, было решено в следующем году не открывать вечернее отделение, т.к. руководительницам приходилось работать целый день, что было для них сложным делом. На следующий учебный год было несколько увеличено количество принимаемых детей в дневные группы [5].

Уже осенью 1914 г. Московское городское управление и общественные организации города активизировали работу по открытию яслей, приютов, детских садов. Основным типом учреждения по прирестению детей 3–10 лет в этот период стал очаг.

Упоминание об одном из первых очагов в России встречается в самом начале XX века. Елизаветинский очаг для детей интеллигентных женщин, служащих в разных учреждениях и конторах Москвы, открыт 26 октября 1902 г. Очаг содержался на средства Елизаветинского комитета детских очагов, учрежденного 12 мая 1903 г. Рассчитан он был на 10 детей и первоначально размещался в Неопалимовском переулке. В 1912 г. очаг располагался в Уланском переулке и его посещало до 30 детей [6, С. 14-15].

По данным, приведенным в исследовании Павловой И.П., «в годы Первой мировой войны новый вид приютов – мелких детских «очагов» был создан по образцу подобных заведений в Англии и Франции: небольшое число детей – 10-12 человек и один воспитатель «на крайне скромных началах». Один из подобных приютов был учрежден «г. Тумановой в Новгородской губернии», другой «г. Сабуровой - супругой Петроградского губернатора в подмосковном имении» [3, С. 418]. Всемерное покровительство подобной форме закрытого прирестения, считая ее перспективной, решил оказывать Романовский комитет – благотворительное учреждение, созданное Высочайшим указом от 21 февраля 1913 г. «в ознаменование трехсотлетия со дня всенародного избрания на царство первого государя из Дома Романовых» и состоявшее под покровительством императора.

Потребность в таких учреждениях оказалась достаточно велика, поэтому городские очаги в российских условиях были более многолюдны и в подавляющем большинстве заботу об их устройстве взяли на себя детолюбивые общественные организации.

В отличие от народных детских садов, пребывание в которых ограничивалось только шестью часами, в очаге дети находились в течение всего дня (10–12 часов), им предоставлялось бесплатное трехразовое питание. Для очагов подбирались помещения, по возможности отвечавшие требованиям гигиены и санитарии. Это были чаще всего квартиры в многоквартирных домах (не всегда на первом этаже), но приходилось мириться и с помещениями бывшей пивной или винной лавки. Обстановка в очагах часто была случайной и состояла из пожертвованных населением мебели, посуды, игрушек, иногда пианино [7]. Положение в Москве требовало открытия как можно большего количества подобных учреждений.

Организацией очагов занимался вначале специальный Детский отдел при Центральном Бюро Московской городской Управы, где была создана очаговая комиссия. Созданная в 1914 г. комиссия работников по дошкольному воспитанию Союза обществ попечения об учащих детей Москвы также активно включилась в эту работу, и впоследствии именно она руководила их организацией.

Первые «очаги для детей запасных» в Москве появились уже осенью 1914 г., а к 1 марта 1915 г. Центральное Бюро объединяло уже 19 очагов [8]. Часть из них (Басманный, Гжельский, Самарский, Лефортовский, Пресненский) обеспечивались почти целиком за

счет средств, собираемых Центральным Бюро, остальные 14 очагов содержали другие организации и отдельные кружки сотрудников. В этот период Центральное Бюро не пользовалось субсидиями городской Управы, а занималось только сбором пожертвований.

Один из первых таких очагов – 2-ой очаг Лиги Равноправия Женщин – был открыт 20 сентября 1914 г. в Дорогомилово на квартире, предоставленной г. Грушиным, а через месяц переехал в лучшую квартиру, бесплатно предоставленную г. Куниным по 1-му Дорогомиловскому переулку, д. 7.

Плакат общества «Помощи жертвам войны». Первая мировая война

Очаг ставил целью дать детям дошкольного возраста (от 3 до 7 лет), отцы которых ушли на войну «возможно лучшие условия для их физического и духовного развития, а матерей освободить для работы» [9]. В очаг были приняты 25 детей, которые были разделены на 2 возрастные группы: 3-5 и 6-7 лет. В очаге не было платных руководительниц, он существовал исключительно на благотворительные средства, пожертвования частных лиц. Очаг работал с 9 утра до 19 часов вечера. Дети получали питание и соответствующие занятия.

Открывая очаг, организаторы первоначально даже не задумывались о воспитательных задачах: главной целью было накормить детей, дать им приют, взять их от вредного влияния улицы. Но когда это было сделано, сама жизнь выдвинула задачи воспитательные, и прежде всего, задача чем-то занять детей. Выбор занятий и способ их проведения заставлял думать в их воспитательное значение [9].

Практически все очаги в первые месяцы войны создавались, чтобы приютить, накормить, обустроить обездоленных детей. Но достаточно быстро одной из важных целей стало воспитание детей, создания им обстановки приближенной к семейной. В отчете Киевского Фребелевского института за 1915 г. подчеркивалось, что «очаги — это только начало целого ряда подобных воспитательных учреждений, и поэтому с первых же шагов необходимо смотреть на них и строить их на основаниях не благотворительности и только добрых чувств тех или других лиц и групп населения, а как на общественное просветительное дело, вести которое и развивать — долг всего общества, общественных организаций, городских самоуправлений, земств и государства» [10, С. 56—57].

В очаге ребенок — член большой семьи, в которой у него есть права и обязанности, учитывались индивидуальные особенности ребенка. Подбирались занятия, направленные на развитие внимательности, наблюдательности, приучение к дисциплине. Особое внимание обращалось на развитие внешних чувств ребенка. В основе воспитания в очаге

лежал труд ребенка, его самостоятельность, самообслуживание. Очень широко применялся ручной труд: лепка, вырезание, аппликация, известные под названием «ручные работы Фребеля». Материал подбирался доступный, часто пользовались так называемым бросовым материалом (коробки, катушки, куски ткани, пробки, обертки и др.). Постепенно очаги приняли у себя постановку воспитания народных детских садов, а руководительницы, пришедшие из детских садов в очаги, налаживали работу последних по образцу детских садов.

Работа очагов затруднялась недостатком подготовленных и опытных руководителей. Текущность, частая смена детей, вступающих в очаг, переезды с одной квартиры на другую, все это создавало неблагоприятные условия для работы очага.

Как правило, в очаге работала одна руководительница (так называли воспитателя) и помощница, или две руководительницы, число детей на руководительницу доходило до 25—30, притом, что нормой признавалось 15—18 детей на одну руководительницу. Число детей, посещающих разные очаги, исчислялось от 25 до 65. Иногда детей не делили на возрастные группы, так как была всего одна руководительница. Часто дети в очаг приходили в 8.00 и уходили в 19.00. «Школьных уроков в очагах нет, так как они преждевременны, но для старших детей 7 лет элементы обучения присутствуют. Детей такого возраста в очагах мало, так как в семьях их считают достаточно взрослыми и используют, например, для стояния в очередях». [11, С. 171—174]. Обстановка в очагах была бедная: старая расшатанная мебель, не подходящая к росту и силам детей.

При очагах создавались Кружки друзей очага, которые призваны были заниматься всеми организационными и хозяйственными вопросами, а также педагогической работой с детьми и просветительской деятельностью среди населения. Кружки занимались сбором пожертвований, помогали в оборудовании очага, поддержании чистоты и порядка. Членами кружка были лица, желавшие чем-то помочь ему. Позднее кружки стали выполнять функции советов, на которых совместно решались текущие вопросы жизни учреждений. Однако, активность их была различной. Наиболее инициативно велась работа членами кружков друзей 2-го Хамовнического, Троицкого, Пресненского очагов, а роль других нередко была чисто формальной [12].

В 1915 г. намечился пересмотр взгляда на очаг только как на учреждение призрения. Этому, безусловно, способствовала активная деятельность таких видных педагогов, организаторов общественного дошкольного воспитания как С.Т. Шацкого, Л.К. Шлегер, Л.С. Тезавровской и других. Началась работа по превращению очага в тип воспитательно-просветительного учреждения. На повестку дня вышли вопросы, требовавшие немедленного разрешения: организация очага, длительность пребывания детей в очаге, норма детей на одного руководителя, воспитательная сторона очага, работа с семьей и со школьниками и т.д.

Пересматривая деятельность очагов с точки зрения целенаправленной воспитательно-образовательной работы, сотрудники пришли к формулированию определенных условий, помогавших наиболее рационально организовать педагогическое воздействие на детей.

Было признано необходимым ограничить пребывание детей в очаге шестью часами в день. Это являлось наиболее оптимальным рабочим днем педагогов и давало возможность сотрудникам вести работу с семьей и школой. С этой же целью предлагалось сократить число детей, приходившихся на одного руководителя до 20 человек, а на двух – до 30—35. Для более систематичного и длительного воздействия предлагалось принимать в очаг детей от 3 до 6 лет. Он не должен был прерывать связь с детьми, уходившими в школу: для них те же сотрудники во вторую половину дня организовывали вечерние клубы. Туда нередко приходили и матери, желавшие немного отдохнуть от забот.

Однако, жизнь диктовала свои условия и сразу осуществить все, что предлагалось, было невозможно. По данным комиссии работников по дошкольному воспитанию, в 1916 г. только в 11 очагах дети проводили время от 9 до 3 час. дня, в 4 очагах были созданы клубы для школьников, в 4 очагах на одного руководителя приходилось 20 детей, а в некоторых – 35 на двоих [12].

Проведенное в этот период обследование очагов показало, что в большинстве из них не было условий для ведения педагогической работы: очень мало педагогических пособий, игрушек, в некоторых были аквариумы, растения, но чаще не было ни живых существ, ни

растений. Затрудняло работу отсутствие постоянных педагогов. Чаще всего в них на общественных началах работали члены кружка друзей очага. Так, во 2-м очаге Лиги Равноправия Женщин, на 25 детей приходилось 12 сотрудниц и 2 сотрудника, по очереди работавших с детьми [9, С. 1].

Большая согласованность и сплоченность в работе, а, следовательно, и результативность, достигалась в тех учреждениях, где постоянно работали 1–2 платных руководителя. Выделение, а затем и увеличение средств, выдаваемых Московским городским управлением на очаги, позволило в 1916 году приглашать платных руководителей практически во все очаги.

Рассчитывая на скорое прекращений военных действий, очаги рассматривались первоначально как временные учреждения, созданные на период войны и обеспечивавшие присмотр, уход и питание исключительно детей из семей призванных из запаса на фронт. Однако, ознакомившись ближе с жизнью рабочих семей, сотрудники очагов поняли, что нужда детей не только вызвана войной, но идет гораздо глубже и коренится в общих условиях жизни необеспеченных слоев населения. Таким образом, сформировалось убеждение о необходимости постоянного существования таких учреждений.

Эти вопросы обсуждались на собраниях Детского отдела Центрального Бюро г. Москвы. В марте 1915 г. было принято решение о присоединении очагов к районным обществам попечения об учащих детей, а при Союзе этих обществ образовать комиссию работников по дошкольному воспитанию, которая стала заниматься очагами [12]. На первом заседании был выбран временный Совет, председателем которого избран видный деятель народного образования Москвы В.А. Флеров, товарищами председателя член Кружка совместного воспитания и образования детей М.М. Станиловская и руководитель общества «Детский труд и отдых» С.Т. Шацкий, секретарем избран Л.Н. Скаткин.

На основании ходатайства, поданного В.А. Флеровым в Московскую городскую Управу, с июля 1915 г. она стала ежемесячно отпускать на очаги по 1655 руб. Кроме того, военная подкомиссия Управы ежемесячно выплачивала по 500 руб. С января 1917 г. Московская городская Управа постановила ежемесячно передавать 2888 руб. в непосредственное распоряжение комиссии работников по дошкольному воспитанию [12].

Для руководства деятельностью очагов был выделен в комиссии специальный инструктор. В его обязанности входили организационная работа по подбору помещений, переговоры с различными обществами, соби́рание сведений об очагах и их работе и т.д.

Комиссия работников по дошкольному воспитанию при Союзе обществ попечения об учащих детей Москвы не ограничивалась только организационной стороной дела. Ее членов (85 человек) волновали также вопросы налаживания воспитательно-образовательной работы в очагах. Имея в Москве примеры достаточно хорошо отлаженной деятельности детских садов, работники комиссии искали формы и методы организации детей в очагах [12].

Члены комиссии дошкольных работников проводили большую работу по созданию перечня необходимого оборудования, материалов и педагогических пособий для очагов, подбору необходимой литературы для детей и руководителей. На совместных собраниях членов комиссии и сотрудников очагов обсуждались разнообразные вопросы, позволяющие определить своеобразие воспитательно-образовательной работы подобных учреждений [12, л.д. 46]. Рассматривались также вопросы, связанные с возможностью применения в очагах методов, предлагаемых работниками детских садов, а также зарубежной педагогикой, в частности М. Монтессори.

За время работы комиссии по дошкольному воспитанию были выработаны примерные сметы расходов для очагов, нормы питания, оборудования, а также анкеты-опросники для руководительниц, схемы наблюдения и изучения ребенка и тому подобные материалы, позволявшие изучить и направить работу этих учреждений. Большую роль в подготовке этих материалов сыграли сотрудники обществ "Детский труд и отдых", "Кооперация", Кружка совместного воспитания и образования детей [].

Непосредственно связанной с работой очагов была деятельность Союза обществ по организации летних колоний.

Стремление поправить здоровье детей, вывезти их из грязного, душного города на лето в деревню заставило членов комиссии работников по дошкольному воспитанию развернуть

работу по созданию колоний специально для детей дошкольного возраста. Так, в 1916 г. только из очагов в колонии были отправлены 475 воспитанников детей Москвы в возрасте от 3 до 8 лет. В этом же году комиссией был избран специальный инструктор, осуществлявший «осведомительно-педагогическую» работу в колониях. Летом 1917 г. в 13 подмосковных колоний были вывезены 300 детей дошкольного возраста. Как правило, родители соглашались вносить небольшую плату – от 1 руб. 50 коп. до 3-х руб. в месяц на ребенка, нуждающиеся освобождались от взносов. Стоимость содержания 25 детей в месяц составляла 375 руб. и на оборудование одной колонии тратилось около 250 руб. Средства на это предоставлялись городскими и общественными организациями [12, л.д. 49].

В условиях загородной жизни дети значительно расширили свой кругозор, укреплялись физически, приучались к труду на земле. Однако, ограниченность средств создавала немало трудностей: не всегда удавалось подобрать хорошее помещение, были сложности с питанием, особенно с хлебом и молоком. Отсутствие прислуги, медицинского персонала приводили к нарушению санитарно-гигиенических правил содержания помещений и организации питания детей, возникали инфекции. Утомительным было для руководительниц пребывание с детьми неотлучно в течение суток, Тем не менее, большинство руководительниц, отмечали, что они получили удовлетворение от этой работы: дети становились заметно организованнее, веселее, оживленнее, в них пробуждались навыки поведения в коллективе. В колонии часто приезжали родители, они были желанными гостями и часто оставались там на целый день.

Осенью 1915 г. в Москву хлынула волна беженцев из зоны военных действий. Центральное Бюро занялось оказанием им необходимой помощи и отошло от ведения работы по организации очагов. В результате вся организационная работа была передана в ведение Совета и комиссии работников по дошкольному воспитанию Союза обществ попечения об учащих детей Москвы. В 1915–1916 гг. были открыты специальные очаги для детей беженцев: Усачевский очаг, очаг в Борисоглебском переулке [8].

17 марта 1916 г. в Москве состоялось Особое совещание по вопросам о призрении детей в связи с войной, на котором была выдвинута идея искусственных семей: небольшое количество детей с приемными матерями, что удешевило бы содержание детей в 3–4 раза. Надзор за такими семьями мог бы возлагаться на особых попечителей, народных учителей, заведующих детскими приютами, садами, очагами, при участии волостных комиссий. Совещание считало, что все земства и города должны обзавестись особыми органами общественного призрения. Оно предложило схему руководства попечительской работой с детьми. Во главе призрения детей в уезде или округе должен стоять инспектор по призрению детей, назначаемый органом местного самоуправления, и особые уездные или окружные попечительства [3, С. 425]. Похожая модель была использована уже в советский период.

Известный меценат С.В. Бахрушин в «Известиях Московской городской думы» 1916 г. сообщал, что в Москве создан Совет по призрению беспризорных детей в г. Москве, состоявший из 8 человек, избранных городской думой на 4 года. Целью совета было «выискивание детей и работа с санитарным надзором Хитрова рынка, городскими и районными попечительствами» и др. Был создан Особый разборочный приют на 50 детей имени проф. МГУ гласного думы М.В. Духовского [3, С. 426]. В том же году попечительством Хитрова рынка был создан очаг для детей [8].

Благодаря предпринятым совместным усилиям к 1 января 1917 г. комиссией по дошкольному воспитанию были объединены 25 московских очагов, в которых воспитывались 870 детей. Всего в этот период в двухмиллионном городе действовали как минимум 30 очагов, сведения о которых (название, фамилия, имя и отчество руководителя, адрес) собраны по архивным материалам и опубликованы автором данной статьи [7, С. 121-125].

Расширение сети очагов и других учреждений для маленьких детей городского населения потребовало организовать краткосрочную подготовку значительного числа новых работников.

По инициативе Кружка совместного воспитания и образования детей осенью 1914 г. при Московском народном университете имени А.Л. Шанявского специально для подготовки руководительниц очагов были организованы общедоступные курсы по

дошкольному воспитанию. Неожиданно для организаторов к курсам был проявлен огромный общественный интерес. Кроме руководителей очагов, они привлекли внимание учителей, студентов вузов, домашних хозяек, лиц свободных профессий и т.д. После первого цикла курсов, по просьбе общественности и работников вновь создаваемых дошкольных учреждений весной 1915 г. был организован повторный цикл. За два цикла обучение прошли более 1200 человек [13].

Учебный план, рассчитанный на 78 часов, был посвящен лекционным и практическим занятиям по самым различным проблемам педагогики, психологии, гигиены и санитарии, а также раскрывались основные методы работы с детьми дошкольного возраста. Проводили занятия, на безвозмездной основе, отказавшись от гонорара, лучшие специалисты Москвы. Среди них приват-доцент Императорского Московского Университета М.М. Рубинштейн, ассистент Психологического института при этом Университете К.Н. Корнилов, преподаватели Московских Педагогических курсов Н.С. Филитис и Г.К. Вебер, доктора медицинских наук В.Е. Игнатъев, В.Я. Канель, Г.Е. Сперанский, Г.И. Россолимо и другие. С практикой работы в дошкольных учреждениях слушателей познакомили С.Т. Шацкий и Л.К. Шлегер, В.Н. Шацкая, М.Х. Свентицкая, К.Н. Вентцель. На деньги, собранные со слушателей курсов, были организованы еще два очага [13].

Интерес, проявленный к курсам со стороны общественности Москвы и провинции, побудил организаторов в 1915 г. выпустить печатный вариант лекций, распространявшийся по подписке по всей стране. Это было первое и долгое время, в том числе и в советский период, основное практическое пособие по организации детских садов и очагов в Москве и во многих городах России.

Не умаляя значения общедоступных курсов для пробуждения внимания общественности к делу дошкольного воспитания, приходится констатировать, что через такую форму невозможно было подготовить хороших специалистов. Ограниченность во времени, преобладание лекционных занятий из-за огромного количества слушателей не давали возможности получить слушателям систему знаний, а тем более овладеть практическими умениями работы с детьми. Это понимали и представители педагогической общественности того периода.

Осенью 1915 г. обществом «Детский труд и отдых» были организованы курсы, в основе которых лежал практический метод подготовки дошкольных работников. Работа курсов опиралась на следующие принципы: подготовка дошкольных работников должна целиком основываться на непосредственной работе с детьми; прежде чем предложить ребенку какой-то материал или деятельность, руководитель должен сам на себе проверить всю ту работу мысли, которую он совершает; нельзя намечать заранее программу занятий на длительный срок, а следует исходить из потребностей слушателей и текущего момента. Слушателями этих курсов также были, в основном, работники детских садов и очагов. Рассчитанные первоначально на 6 месяцев занятия продолжались 2 года. Основное место было отведено практике в детском саду, практическим занятиям слушателей с различными материалами, по результатам этой работы проводились семинарские занятия в форме беседы и для теоретического обоснования отдельных проблем, выделенных практикой, читались лекции [14].

По этому же принципу были построены и дошкольные курсы, организованные Союзом обществ попечения об учащих детей Москвы с сентября 1917 г. по апрель 1918 г. [15]

Постепенно к 1917 г. очаг превратился в особый тип дошкольного учреждения. Оформилась главная цель очага – помочь семье, члены которой работают вне дома. Давая присмотр и питание, главной задачей этого учреждения стало дать детям воспитание, положив в основу трудовое начало. Важное значение придавалось связи очага с семьей. Указывалось, что работа над воспитанием детей только тогда будет достигать результатов, если она будет начинаться с самого раннего возраста до поступления детей в очаг и будет продолжаться, когда они поступят в школу, так как воспитание по существу своему является цельным и единым процессом. С другой стороны, очагам этого периода непосильно было бы взять на себя задачу воспитать детей, когда «семья на каждом шагу идет наперекор тому, что дети получают в очаге, и работа воспитателей разрушается работой семьи. Единственный выход – работа совместно с семьей и над семьей» [12, л.д. 30].

Считая воспитание детей с раннего до старшего возраста под силу только совместной работе общественных учреждений (яслей, очагов, клубов, площадок), комиссия разработала

проект содействия города общественному дошкольному воспитанию. В основу проекта была положена мысль о необходимости существования таких постоянных учреждений как очаг, содержание которых под силу только городскому управлению. Как желательный был выдвинут тип очага на 25 детей с двумя руководительницами и как компромиссный – на 50 детей с двумя руководительницами. «Город рано или поздно должен будет встать на путь создания сети учреждений для детей дошкольного возраста» [12, л.д. 31].

Октябрьские события 1917 г. вызвали раскол среди дошкольных работников г. Москвы. Одни поддержали бастующих учителей (сотрудники детского сада при доме дешевых квартир Солодовникова, Московского городского универсального детского сада), другие осуждали их действия (Л.С. Тезавровская и другие), некоторые соблюдали нейтралитет (Л.К. Шлегер). Однако, сложности переходного периода не могли оставить в стороне людей, много сделавших для детей. Постепенно практически все старые педагоги вновь приступили к своей работе.

Тяжело пережили зиму 1917–1918 гг. очаги и народные детские сады Москвы. Отсутствие субсидий города на 1918 г., значительное снижение пожертвований, трудности с добыванием продуктов, топлива все это осложняло работу и вело к свертыванию воспитательной работы с детьми. Некоторые очаги пришлось закрыть, другие объединить. Встал вопрос о необходимости введения платы родителей за питание детей в очагах.

В отчете за 1917 год руководители 1-го Хамовнического очага писали: «Полная неуверенность в существовании очага, трудности в добывании продуктов и посему не очень спокойное душевное состояние, которое, конечно, влияет на работу. Ведена плата – 3 рубля в месяц». Произошли изменения и в Суцевском очаге: «Введена плата за детей 5 рублей в месяц за одного ребенка и 8 за двоих. Уменьшено питание с 3-х раз до 2-х раз, раньше работали до 17 час., сейчас до 16 час.». 1-й Тверской и один из Хамовнических очагов были закрыты «из-за нехватки средств» [15].

Всё это не могло не отразиться на настроении руководителей дошкольных учреждений. Но, несмотря на огромные экономические трудности, отсутствие зарплаты, еды, топлива, они старались, как могли скрасить жизнь детей: много играли с ними в подвижные игры, что давало возможность хоть как-то согреться, рассказывали им веселые сказки, пели песни, устраивали праздники.

На родительских собраниях, проведенных очагами, родители высказались за введение платы, ради сохранения этих учреждений. В среднем она составила от 3 до 5 руб. в месяц, остро нуждающиеся семьи водили детей по-прежнему бесплатно. Введение платы в очагах, тревожное время привели к сокращению числа детей в дошкольных учреждениях и в целом в городе. Многих детей родители отправили из города в деревню [15].

Выполнив свое предназначение, некоторые очаги в первые месяцы советского периода были преобразованы в детские сады.

Заключение

Завершая, необходимо отметить, что в годы первой мировой войны активизировалась деятельность благотворительных и общественных организаций, связанная с присмотром за обездоленными детьми, оказанием помощи семьям, оказавшимся в тяжелой ситуации. Местом притяжения для таких семей стали очаги, которые постепенно превратились в особый тип учреждений, обеспечивших не только уход и присмотр, но воспитание и обучение детей дошкольного возраста, а также культурно-просветительные формы работы с другими членами семьи. Развитие содержательной работы вызвало необходимость специальной подготовки работников очагов, на основе освоения практических умений делать жизнь детей интересной и насыщенной полезной деятельностью, прежде всего приобщая к труду. Опыт организации очагов в военный период оказал непосредственное влияние на дальнейшее развитие общественного дошкольного воспитания в России.

Примечания:

1. Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: На материалах Петрограда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2002. 243 с.

2. Грицаева А.Е. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 289 с.
3. Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2004. 568 с.
4. Дзюбинская Е. Народный детский сад как один из способов призрения детей запасных // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6-7. С. 625-634.
5. Отчет по Московскому городскому универсальному Детскому Саду в память О.Н. Кельиной за 1914–1915 уч. год. М., 1916. 20 с.
6. Исторический очерк развития благотворительности Елисаветинского общества в Москве и Московской губернии за 20 лет с 1892 по 1912 г. М. [Б.и.], 1912. 6 с.
7. Белая К.Ю., Волобуева Л.М. Листая страницы истории: Из истории дошкольного воспитания в Москве. М., 1997. 130 с.
8. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 12. Материалы общества попечения об учащихся детях. Анкеты детских садов и очагов Москвы.
9. Отчет 2-го очага для детей запасных Лиги Равноправия Женщин. М., 1915. 4 с.
10. Бахтин Н. Призрение и воспитание. (Очаг слушательниц Киевского Фребелевского института. Сентябрь, 1914 г. - апрель, 1915 г.) // Народное образование. 1915. Т.2: июль-декабрь. С. 56-59.
11. С-В, С. Дошкольное народное образование в Москве // Вестник воспитания. М., 1917. № 6-7. С. 169-180.
12. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 13. Материалы общества попечения об учащихся детях.
13. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 43. Материалы дошкольных курсов при университете имени А.Л. Шанявского
14. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 8. Курсы общества «Детский труд и отдых»
15. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 21. Отчеты по Союзу обществ попечения об учащихся детях Москвы (1915–1918).

References:

1. Ivanova N.M. Miloserdie i blagotvoritel'nost' v gody pervoi mirovoi voiny 1914–1917 gg.: Na materialakh Petrograda: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Sankt-Peterburg, 2002. 243 s.
2. Gritsaeva A.E. Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennykh deistvii: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2008. 289 s.
3. Pavlova I.P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02. Sankt-Peterburg, 2004. 568 s.
4. Dzyubinskaya E. Narodnyi detskii sad kak odin iz sposobov prizreniya detei zapasnykh // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1914. № 6-7. S. 625-634.
5. Otchet po Moskovskomu gorodskomu universal'nomu Detskomu Sadu v pamyat' O.N. Kel'inoi za 1914–1915 uch. god. M., 1916. 20 s.
6. Istoricheskii ocherk razvitiya blagotvoritel'nosti Elisavetinskogo obshchestva v Moskve i Moskovskoi gubernii za 20 let s 1892 po 1912 g. M. [B.i.], 1912. 6 s.
7. Belaya K.Yu., Volobueva L.M. Listaya stranitsy istorii: Iz istorii doshkol'nogo vospitaniya v Moskve. M., 1997. 130 s.
8. NA RAO F.1. Pervaya opytnaya stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 12. Materialy obshchestva popecheniya ob uchashchikhsya detyakh. Ankety detskikh sadov i ochagov Moskvu.
9. Otchet 2-go ochaga dlya detei zapasnykh Ligi Ravnopraviya Zhenshchin. M., 1915. 4 s.
10. Bakhtin N. Prizrenie i vospitanie. (Ochag slushatel'nits Kievskogo Frebelevskogo instituta. Sentyabr', 1914 g. - aprel', 1915 g.) // Narodnoe obrazovanie. 1915. T.2: iyul'-dekabr'. S. 56-59.
11. S-V, S. Doshkol'noe narodnoe obrazovanie v Moskve // Vestnik vospitaniya. M., 1917. № 6-7. S. 169-180.

12. NA RAO F.1. Pervaya opytная stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 13. Materialy obshchestva popечeniya ob uchashchikhsya detyakh.
13. NA RAO F.1. Pervaya opytная stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 43. Materialy doshkol'nykh kursov pri universitete imeni A.L. Shanyavskogo
14. NA RAO F.1. Pervaya opytная stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 8. Kursy obshchestva «Detskii trud i otdykh»
15. NA RAO F.1. Pervaya opytная stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 21. Otchety po Soyuzu obshchestv popечeniya ob uchashchikhsya detyakh Moskvy (1915–1918).

УДК 373

Очаги для малолетних детей в годы Первой мировой войны

Людмила Михайловна Волобуева

Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация
119991 Москва, М. Пироговская ул., 1/1,
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: volobuevalm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания в годы первой мировой войны очагов для детей призванных на фронт солдат. Цель этих учреждений менялась от осуществления присмотра за детьми до реализации задач воспитания и обучения малолетних детей. Приведены материалы, характеризующие деятельность общественных организаций по созданию очагов, разработке содержания работы с детьми, подготовке педагогических работников. Представлены ранее не публиковавшиеся архивные материалы, содержащие сведения о мерах поддержки семей с маленькими детьми, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Организация деятельности очагов предопределила необходимость дальнейшего развития общественного дошкольного воспитания в России.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Москва; благотворительность; очаг; семья; дети; воспитание; детский сад.